

О задачахъ домашняго чтенія учащихся въ народной школѣ.

Вопросъ о домашнемъ чтеніи учениковъ народныхъ школъ получаетъ все большее значеніе по мѣрѣ того, какъ расширяются образовательныя задачи начальной школы: въ домашнемъ чтеніи ищутъ одного изъ средствъ пополнить и закрѣпить въ памяти тѣ ничтожныя обрывки знаній, какіе можетъ дать современная, никого неудовлетворяющая народная школа. Къ сожалѣнію однако, важность внѣкласснаго чтенія далеко не достаточно сознается ни земствами, ни вообще тѣми учрежденіями и лицами, на какихъ лежитъ забота о содержаніи школъ, и до сихъ поръ существуетъ немало такихъ, гдѣ кромѣ классныхъ пособій нѣтъ и не было никакихъ книгъ, а между тѣмъ на пополненіе этого пробѣла необходимо обратить всѣ усилія. Если, по словамъ одного греческаго ученаго, комната безъ книгъ—все равно, что тѣло безъ души, то тѣмъ болѣе школа, лишенная всякаго запаса книгъ для чтенія, является холоднымъ тѣломъ, не оживленнымъ духомъ. Самая небольшая, но хорошо подобранная коллекція книгъ можетъ хоть отчасти замѣнить такъ недостающій народный университетъ. У насъ же пришкольныхъ библіотекъ насчитываютъ въ Европейской Россіи одну на 900 кв. верстъ, а въ Азіатской—1 на 13.000. Да и въ имѣющихся библіотекахъ составъ книгъ часто случайный, вовсе не приуроченный къ нуждамъ и инте-

ресамъ читателей, и это лишаетъ библіотеки того образовательнаго значенія, какое онѣ должны имѣть. Необходимо, чтобы все библіотечное дѣло по селамъ находилось въ знающихъ рукахъ и самый подборъ книгъ составляли земскія комиссіи съ непремѣннымъ участіемъ въ нихъ учителей.

Спросъ на книгу уже существуетъ въ сельскомъ населеніи, — необходимо этотъ спросъ укрѣпить полезнымъ и интереснымъ чтеніемъ и превратить въ потребность, вызвать довѣріе къ книгѣ, какъ къ источнику самообразованія и помощнику въ разныхъ практическихъ затрудненіяхъ. Но чтобы чтеніе явилось дѣйствительно такимъ плодотворнымъ орудіемъ и дополнило бы ничтожный запасъ знаній, вынесенный ребенкомъ изъ начальной школы, необходимы не только внимательный выборъ матеріала для чтенія, но и выработка умѣнія читать, умѣнія брать изъ книги не одну внѣшнюю фабулу, не одни слова и буквы, а внутреннее ея содержаніе. Для производительнаго чтенія нуженъ правильный методъ, какъ при всякомъ умственномъ занятіи, и этотъ методъ должна дать начальная школа, чтобы путемъ чтенія дополнить въ подрастающемъ поколѣннн начатое ею умственное развитіе. Методъ этотъ заключается въ развитіи со стороны учениковъ вдумчиваго и активнаго отношенія къ содержанію книги, а со стороны учителя, библіотекаря — въ индивидуализаціи и послѣдовательномъ расположеніи матеріала для чтенія, начиная съ первыхъ даваемыхъ ребенку на руки книгъ.

Вопросъ о руководствѣ въ чтеніи дѣтей часто подвергался осужденію, и въ литературѣ высказывались два взгляда на этотъ вопросъ. Въ 60-ые и 70-ые годы особенно ярко поддерживалось то мнѣніе, что надо предоставлять дѣтямъ полную свободу читать все, что имъ вздумается и когда имъ это захочется: голова ребенка самостоятельно переработаетъ доступный ей въ данный моментъ развитія матеріалъ и усвоитъ изъ него то, что наиболѣе соотвѣтствуетъ тайнымъ, еще не всегда сознаннымъ и

опредѣлившимся запросамъ души маленькаго читателя. Иного мнѣнія держатся тѣ, кто находятъ, что бессистемное, несвоевременное чтеніе можетъ оказывать, какъ говорилъ, напр., Писаревъ, только развращающее вліяніе. Бѣлинскій тоже держался такого же мнѣнія, — онъ видѣлъ въ книгѣ всю жизнь своего времени. «Въ ней всѣ нуждаются, — пишетъ онъ: — и старые и молодые, и дѣловые и ничегонедѣлающіе, и дѣти также. Все дѣло въ выборѣ книгъ, и мы первые согласны, что читать дурно избранныя книги хуже, чѣмъ ничего не читать». О необходимости урегулировать чтеніе писали многіе, въ томъ числѣ Рубакинъ, Янжуль, Чеховъ Н. (въ своемъ «Спутникѣ самообразованія») и др. Необходимость разбираться во всей обширной литературѣ, какъ общей, такъ и специально дѣтской и народной удешевленной, вызвала много работъ въ этомъ направленіи, много изданій разныхъ списковъ и указателей, систематическихъ подборовъ книгъ, какіе дѣлались или группами учителей, или земскими комиссіями, или просто кружками свѣдущихъ лицъ. Такихъ указателей довольно много, но все же оказывается, что запросъ на книгу для чтенія настолько индивидуально-субъективная вещь, что эти обзоры лучшихъ изданій могутъ только облегчить составленіе дѣтской и народной библіотеки, но каждому руководителю надо примѣняться къ запросамъ и потребностямъ своихъ читателей и своей системы.

Не менѣе спорнымъ оставался вопросъ, нужна ли специально дѣтская и специально народная литература? Одни держатся того мнѣнія, что дѣтей не должно приучать къ чтенію специально для нихъ написанныхъ книгъ, а когда они захотятъ сами читать, то давать имъ сразу произведенія художественной литературы, какъ истинно прекрасной и простой, а потому неизбежно воспитательной. Но требованія жизни разбили этотъ теоретическій взглядъ, и дѣтская литература, начатая появленіемъ бессмертной книги Робинзона Крузо,

въ настоящее время завоевала себѣ почетное мѣсто во всѣхъ культурныхъ странахъ, особенно въ Англіи и Германіи. Въ Россіи начало дѣтскимъ книгамъ и журналамъ положилъ Карамзинъ: при «Московскихъ Вѣдомостяхъ» выходило какъ приложеніе «Дѣтское Чтеніе», гдѣ и печаталась «Переписка отца съ сыномъ о деревенской жизни» Карамзина. Затѣмъ стали выходить самостоятельно «Дѣтское Утѣшеніе», «Дѣтское Чтеніе» Новикова, «Новая Библиотека для воспитанія» Рѣдкина, «Звѣздочка» и др. Особенно оживилась наша дѣтская литература въ періодъ общаго подъема русской мысли, въ 30-ые и 40-ые годы, когда въ ней подвизались Одоевскій подъ псевдонимомъ «Дѣдушки Ириней», Чистяковъ, г-жи Зонтагъ, Ишимова и др. Теперь русская дѣтская литература можетъ смѣло занять видное мѣсто въ Европѣ; въ ней участвуютъ выдающіяся писательскія силы, ее обогащаютъ произведенія нашихъ лучшихъ художниковъ. Что касается до народной литературы, то были также авторитетныя мнѣнія, утверждавшія, что ея существованіе излишне, такъ какъ все «хорошее» вполне доступно пониманію народнаго читателя, какъ говорилъ кружокъ учительницъ воскресной школы г-жи Алчевской въ Харьковѣ. Конечно, нежелательны никакія поддѣлки подъ «народный тонъ», ни передѣлки, ни сокращенія, но удешевленная и популярная литература сразу нашла себѣ обширный спросъ среди нашего неподготовленнаго и сельскаго и городскаго читателя, который можетъ удѣлить на книги лишь крохи своего времени и гроши изъ своего заработка. Послѣ первыхъ нашихъ народныхъ изданій Новикова, еще въ концѣ XVIII в., народная литература начала развиваться одновременно съ развитіемъ земской народной школы, т.-е. въ 60-е годы, и главный запросъ на нее предъявили первыя воскресныя школы на югѣ Россіи; но съ запрещеніемъ народныхъ изданій на украинскомъ языкѣ, затѣвавшихся при Кіевскомъ Учебномъ Округѣ Драгомановымъ, Рыльскимъ и другими дѣятелями первыхъ воскрес-

ныхъ школъ въ Россіи, эта литература пресѣклась. Въ 1867 г. уже появился одинъ изъ первыхъ указателей учебныхъ и прочетныхъ книгъ для народа, въ немъ стоятъ историческія брошюры Бестужева-Рюмина, Костомарова «Повѣсть объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ», первыя книжки по естествознанію Бекетова и до сихъ поръ любимая книга Цшокке «Дѣлатели золота». Постепенно развиваясь, несмотря на всѣ внѣшнія препятствія за 30 лѣтъ конца XIX вѣка и за годы начала XX в., наша популярная литература внесла въ среду совершенно неподготовленнаго читателя массу знаній научныхъ и, успѣшно ведя борьбу съ болѣе дешевой лубочной литературой, сдѣлала возможнымъ ознакомленіе народа съ произведеніями лучшихъ художниковъ. Она служитъ пока почти единственнымъ средствомъ для самообразованія огромныхъ слоевъ русскаго рабочаго люда. Правда, тенденціозность и административныя давленія часто фальсифицировали направленіе народныхъ изданій, какъ это видно особенно на изданіяхъ Постоянной комиссіи при учебномъ комитетѣ, на книгахъ Баранова, Пуцыковича, Абазы и мн. др.; но все же стоитъ упомянуть о такихъ вполне заслуживающихъ довѣрія изданіяхъ, какъ изданія Горбунова-Посадова, Рубакина, Калмыковой, Слѣпцовой, Харьковскаго, Кіевскаго, С.-Петербургскаго и Московскаго обществъ грамотности, Донской Рѣчи, Юнаго Читателя и др., чтобы убѣдиться въ образовательномъ и воспитательномъ значеніи специально народной литературы. Строго удаляя всякую тенденціозность въ выборѣ матеріала для чтенія, изыскивая только истинно-художественное и вполне точное образовательное содержаніе, приходилось немало разбираться въ громадномъ, накопившемся къ нашимъ днямъ матеріалѣ для чтенія, и выяснилась потребность выдѣленія читателя-ребенка отъ читателя, хотя и не подготовленнаго, но взрослога, а главное — почувствовалась необходимость установить нѣкоторый методъ въ чтеніи, нѣкоторыя об-

ція положенія по отношенію къ распредѣленію книгъ для самостоятельнаго чтенія дѣтей.

Не останавливаясь вообще на дѣтскомъ чтеніи, намъ интересно разрѣшеніе только частнаго вопроса, что можетъ и должно дать домашнее чтеніе ученикамъ народной школы? По мысли нашего философа - публициста Бѣлинскаго, цѣль вообще дѣтскаго чтенія не столько въ томъ, чтобы дать дѣтямъ занятіе, дѣло, не столько въ томъ, чтобы предохранить ихъ отъ дурныхъ привычекъ и плохого направленія, сколько въ развитіи данныхъ имъ отъ природы элементовъ человѣческаго духа, «развитіе въ дѣтяхъ чувства любви и чувства безконечнаго». И вдумываясь въ эти слова, дѣйствительно вѣришь, что хорошо подобранныя книги могутъ быть однимъ изъ могучихъ факторовъ самой сущности воспитанія и образованія: пробужденія въ дѣтяхъ самыхъ благородныхъ сторонъ души и изъ тѣсныхъ предѣловъ ограниченности и невѣжества вывести мысль юнаго читателя на путь широкихъ научныхъ кругозоровъ, поставить его въ непосредственное общеніе съ великимъ безконечнымъ міромъ физическихъ и историческихъ явленій, съ величайшими проявленіями человѣческаго духа. Но, не увлекаясь такой широкой философской задачей чтенія, попробуемъ практически конкретизировать рядъ болѣе простыхъ требованій, какія можетъ удовлетворить правильно веденное домашнее чтеніе. Прежде всего книга дается ученику на руки для упражненія въ механизмѣ чтенія; выучиться бѣгло, сознательно читать, это, конечно, первая самая важная задача домашняго какъ и класснаго чтенія. Для этого чѣмъ больше можно упражняться въ чтеніи, тѣмъ лучше, и первая книга можетъ быть уже выдана ученикамъ къ концу перваго же полугодія, конечно, смотря по успѣхамъ учениковъ и по методу того или иного учителя при прохожденіи букваря. Эта первая книга, приносимая ученикомъ домой должна удовлетворять многимъ требованіямъ: шрифтъ въ ней долженъ быть крупный, картинки должны пояснять

текстъ и содержаніе не должно быть наборомъ непонятныхъ словъ: чѣмъ красивѣе и чѣмъ ближе къ жизни по содержанію будетъ эта первая книга, тѣмъ естественнѣе требовать отъ ученика бережливаго къ ней отношенія и тѣмъ лучшее впечатлѣніе произведетъ эта новая гостя въ хатѣ крестьянина. Все въ ней должно быть близко и понятно не только самому ученику, но и его старшимъ роднымъ. Къ сожалѣнію, такія книги еще дороги для нашей народной школы, но все же ихъ можно подобрать въ изданіяхъ Сытина, Ступина, Фребелевскаго общества и др. Въ крайнемъ случаѣ, если школа не обладаетъ именно такими книгами, приходится давать на домъ классныя же книги для чтенія, не употребляемыя въ данный годъ ученія и изъ такихъ хрестоматій лучше другихъ подходятъ для домашняго чтенія учениковъ народныхъ школъ Азбука Толстого (начиная со 2-й книги), книги для класснаго чтенія Горбунова-Посадова, а также могутъ сослужить службу дѣтскіе журналы, какъ, напр., «Красныя Зори», «Свѣтлячокъ» и др. Необходимо, чтобы учитель въ классѣ далъ предварительное знакомство съ даваемой для чтенія статейкой, чтобы неопытный читатель не наткнулся въ ней на какое-либо непонятное слово и могъ дать ясный отчетъ въ прочитанномъ. Эти первые пересказы, конечно, ведутся при помощи картинокъ въ текстѣ прочитаннаго. Наблюдая учениковъ, нельзя не замѣтить, что многіе ученики очень затрудняются пересказомъ; для навыка въ одномъ коммерческомъ училищѣ предлагалось дѣтямъ 1-го и приготовительнаго класса передавать содержаніе прочтеннаго посредствомъ немудреныхъ рисунковъ, лишь бы дѣти могли схватить главное лицо статейки и главный эпизодъ. Этотъ приѣмъ, показанный учителемъ на классной доскѣ, даетъ возможность прослѣдить и у дѣтей, затрудняющихся устнымъ изложеніемъ мыслей, что осталось у нихъ въ головѣ отъ прочитаннаго, и къ тому же развиваетъ въ дѣтяхъ образное

мышленіе, приучаетъ ихъ схватывать самое главное въ прочитанномъ ¹⁾).

Чтобы лучше упражнять активную способность удерживать въ головѣ прочитанное, полезно не всегда спрашивать отчетъ въ немъ непосредственно по прочтеніи, а откладывать его постепенно на нѣсколько дней, при этомъ интересно наблюдать, кто скорѣе забываетъ и что именно у разныхъ читателей лучше запоминается. Конечно, такія наблюденія можно начинать и съ 1-го года, но они могутъ происходить и во 2-й и въ 3-й группѣ. Изъ записей одной воскресной школы видно, напр., что изъ прочитанныхъ за 2—3 мѣсяца разныхъ книгъ удерживались въ памяти весьма не многія: такъ, изъ 7 прочитанныхъ книгъ о 5 читателей при опросѣ ничего не могъ вспомнить, другой изъ 19 забылъ 17, изъ 28—21, изъ 29—16; но были и такіе читатели, которые изъ 20 читанныхъ книгъ не запомнили содержаніе только 5, а другіе изъ 13—4, изъ 18—5 и т. д. Кромѣ разнаго уровня умственныхъ способностей и главнымъ образомъ памяти и вниманія, на запоминаніе вліяла, конечно, сила художественнаго творчества и ясность изложенія, и чѣмъ лучше, чѣмъ сильнѣе была вещь, тѣмъ лучше она удерживалась въ памяти наибольшимъ числомъ читателей. Такъ, «Сигналь Гаршина» изъ 10 читателей былъ понятъ и переданъ 7-ю, «Митюха учитель» Димитріевой изъ 11—8 и т. д.; а, напр., рассказъ «Иванъ Бродяга» былъ забытъ всѣми 7-ю читавшими его. Со 2-го года домашнее чтеніе контролируется не однимъ устнымъ пересказомъ, а можетъ уже служить матеріаломъ для короткихъ письменныхъ работъ и для общеклассныхъ бесѣдъ. Для каждой письменной работы учитель подготавливаетъ учениковъ еще до чтенія, ставя имъ тѣ вопросы, на какіе они должны обратить вниманіе, читая данную вещь, и на нихъ по про-

¹⁾ См. ст. Трояновскаго въ „Русск. Шк.“, май—іюнь 1904 г.

чтеніи дать письменные отвѣты. Постепенно, конечно, эти работы осложняются и рядомъ съ этимъ детализируются; напр., по прочтеніи какого-нибудь художественнаго произведенія одному изъ читавшихъ его поручается дѣлать характеристики главныхъ лицъ рассказа или поэмы, другому—второстепенныя лица, третьему—описаніе главнаго событія, иному описать обстановку, при какой оно совершилось, или тѣ условія, при какихъ развивались герои. Затѣмъ, прочитавши эти частныя работы, учитель лучшія изъ нихъ читаетъ въ классѣ и на другой разъ поручаетъ по нимъ всему классу составить общій пересказъ или общій отзывъ о произведеніи. Для нравственной оцѣнки поступка того или иного героя необходимо также давать высказаться нѣсколькимъ читателямъ, чтобы эта оцѣнка была сдѣлана, какъ можно-разностороннѣе и активнѣе, а не выходила изъ устъ читателя совершенно пассивною или подсказанною самимъ учителемъ. Всѣ такія работы могутъ быть очень разнообразны, наводить учениковъ на сравненія разныхъ произведеній, разныхъ писателей, писавшихъ на однородныя темы. Всѣ онѣ имѣютъ одну цѣль: развить въ ученикѣ возможно болѣе вдумчивое, глубокое и самостоятельное отношеніе къ читаемому; создать въ его умѣ, въ его памяти цѣльную связь ассоціацій, вытекающихъ изъ сопоставленій и сравненій прочитаннаго, дать привычку владѣть книгой, находить въ ней главную суть, умѣть оцѣнить ея художественную красоту и использовать ее, какъ образовательный матеріалъ. Но чтобы всѣ эти результаты были сколько-нибудь достигнуты, необходимо прежде всего удачный выборъ самого чтенія.

Первое условіе удачнаго хода домашняго чтенія—это, чтобы книга была по силамъ читателя и заинтересовывала его. Въ этомъ отношеніи необходима со стороны руководителя самая внимательная индивидуализація матеріала. Не сразу обнаруживаются вкусъ и склонности читателя, часто онъ остается дома совершенно ин-

дифферентнымъ къ книгѣ. Про Гумбольдта учителя были самого плохого мнѣнія, его не интересовали ни книги, ни уроки, пока, уже на 18 году, не попался ему въ руки Робинзонъ Крузо: при чтеніи его точно завѣса спала съ глазъ юности, дремлющій умъ, душевныя способности будущаго великаго ученаго точно вдругъ сразу проснулись и вывели его любознательность именно на тотъ путь изслѣдованій, который и привелъ Гумбольдта къ вѣчной славѣ. Внимательное отношеніе къ индивидуальнымъ вкусамъ читателей даетъ руководителю возможность не только скорѣе заинтересовать ихъ книгой, но и вліять впоследствии на направленіе вкусовъ читателей. Стараясь, чтобы книга не была трудна, слѣдуетъ придерживаться общаго педагогическаго начала—идти отъ близкаго, знакомаго къ далекому, чуждому. Захватывая молодого читателя въ его родной обстановкѣ, на его же стадіи развитія, начинаютъ чтеніе съ образцовъ народной родной словесности—поговорокъ, сказокъ, народныхъ пѣсень, этихъ родныхъ отголосковъ того самаго родного творчества, которое окружало ребенка съ первыхъ минутъ пробужденія его сознанія, ласкало его доступной ему музыкой родныхъ звуковъ пѣсень, знакомыхъ образовъ сказокъ въ семейной обстановкѣ; оно должно окружать знакомой атмосферой и первые его школьные годы. Коза-дереза, Лисичка-сестричка, Снѣгурочка, Гуси-лебеди, Сестрица Аленушка, Ивасикъ Телесикъ—всѣ эти сказки обвѣваютъ тепломъ души школьника, протягиваютъ крѣпкій мостъ на всю жизнь между тѣмъ убогимъ семейнымъ дорогимъ угломъ, изъ котораго вышелъ ученикъ, и тѣмъ «безконечнымъ» куда его ведетъ школа. Эти же образцы народной мудрости ставятъ сразу передъ ребенкомъ вѣковѣчные элементарные устои человѣческой нравственности, кладутъ основу тѣхъ міровыхъ началъ добра и зла, на которыхъ впоследствии мало-по-малу жизнь и школа помогутъ ученику построить свою индивидуальную этику. Онѣ же, эти сказки, пробудятъ въ читателей

главную духовную способность—фантазію, воображеніе—одинаково необходимую для умственной творческой работы и ученаго, и художника, и рабочаго. Конечно, изъ этого сказочнаго матеріала должно быть удалено все чудовищное, страшное, болѣзненно возбуждающее дѣтскую душу, какъ-то: змѣи горынычи, призраки смерти, излишняя жестокость. Теперь уже имѣются прекрасно подобранные для дѣтей сборники народныхъ сказокъ, какъ, напр., Роговой, Романовой и др.

Вслѣдъ за родными народными сказками и вообще произведеніями творчества своего народа можно давать сказки и лучшихъ родныхъ поэтовъ, напр., Жуковскаго, Пушкина—для великоросовъ, а также народныя сказки другихъ народовъ, напр., славянскія сказки, сказки нѣмецкія—Гримма, французскія—Перро. Сопоставляя ихъ между собою, можно доступно мало-по-малу выяснять общность нравственныхъ началъ у разныхъ народовъ, отличія обстановки, сходство характеровъ, и такимъ образомъ вводить ребенка въ общеніе съ духовнымъ міромъ другихъ народовъ и раздвигать его кругозоръ и какъ можно чувствительнѣе уничтожать предубѣжденіе къ «чужимъ», которое такъ свойственно ученикамъ русскихъ школъ.

Само собою разумѣется, что чтеніе сказокъ не можетъ идти сплошь, оно должно чередоваться съ другимъ матеріаломъ, тоже вполне доступнымъ самому младшему возрасту, какимъ являются книги изъ области природовѣдѣнія, наблюденія надъ жизнью животныхъ, птицъ, растений, не только домашнихъ, но и вольныхъ жителей полей и лѣсовъ. Здѣсь желательно парализовать утилитарный взглядъ крестьянскихъ мальчиковъ на все живущее, какъ на доходную статью, и вызывать любовь и милосердное отношеніе ко всему живущему. Въ этомъ отношеніи очень хороши рассказы Сливickaго, Чеглока, Богданова, Вагнера, Быковой, С. Томпсона, Авенариуса и др. Многія дѣти, сразу не откликающіяся на сказочные образы, съ интересомъ и любовью отнесутся къ этимъ

знакомымъ имъ простымъ героямъ и реальнымъ приключеніямъ ихъ несложной жизни.

Но найдутся и такіе читатели, которые вначалѣ, можетъ быть, останутся глухи и къ сказкѣ и къ природѣ и отзовутся съ глубокимъ интересомъ къ собственной жизни, къ рассказамъ изъ быта дѣтей, къ характеристикамъ дѣтской души.

Этотъ бытовой отдѣлъ можетъ затронуть въ дѣтяхъ новые запросы и интересы; для него годятся многія изданія Посредника, Читальни Народной Школы и др., какъ напр., Мальчикъ и Жучка, Нелло и Патрашъ, Подпасокъ, Егорка артельный, Сестрица Галя и др. Такимъ образомъ, разнообразя съ самаго начала дѣтское чтеніе, учитель можетъ индивидуализировать его по вкусамъ того или иного читателя и въ то же время направлять любознательность ребенка именно на тѣ явленія, на тѣ факты природы, жизни и народнаго творчества, какіе наилучше вліяютъ на развитіе его душевныхъ способностей. Переходя отъ простѣйшаго къ болѣе сложному, можно постепенно давать все болѣе глубокія художественныя произведенія и рядомъ съ ними и образовательный матеріалъ, дополняющій этотъ кругъ міровѣдѣнія, который такъ неполно, такъ неудовлетворительно проходитъ въ классѣ. Вообще домашнее чтеніе является естественнымъ дополненіемъ класснаго объяснительнаго чтенія и свободно можетъ быть систематизировано въ соотвѣтствіи съ принятой въ школѣ классной книгой. Какой бы отдѣлъ ни читался въ классѣ, домашнее чтеніе является какъ бы самымъ яркимъ для него обобщеніемъ и самой яркой характеристикой. Читаетъ ли, напр., классную книгу Вахтерова, согласно ея содержанію на весь 1-й годъ достаточно 20 названій книжечекъ (или статей) для домашняго чтенія, какъ наиболѣе ярко иллюстрирующихъ содержаніе, почерпаемое изъ классной книги; онѣ расширяютъ интересъ къ затронутой въ ней иногда только вскользь сферѣ наблюденій, разъясняютъ недосказанное въ классѣ и укрѣпляютъ полученное впечатлѣніе.

Хотя многіе педагоги нашихъ дней держатся того мнѣнія, что задача школы исключительно образовательная, а не воспитательная, но врядъ ли хорошо поставленная школа имѣетъ право отказаться отъ пробужденія въ дѣтяхъ лучшихъ, гуманныхъ чувствъ. На ихъ развитіе и направленіе вліяютъ, конечно, прежде всего господствующая въ самой школѣ атмосфера и взаимоотношеніе товарищей и личности учителя, но оказываетъ на душу ученика народной школы и чтеніе и главнымъ образомъ знакомство съ художественной литературой,—она-то и ведетъ главнымъ образомъ къ широкому гуманизму, постепенно расширяя сферу привязанностей и вырабатывая въ душѣ ребенка правильное чувство справедливости, вызываетъ у читателя первое сознаніе своихъ обязанностей по отношенію не только близкихъ любимыхъ людей, а и къ далекимъ чужимъ, жалость ко всему живому, а не только къ своей, полезной ему, скотинѣ. Изъ этого совершенно естественно должно развиваться и уваженіе ко всякому человѣку и къ своимъ правамъ, какъ къ человѣку. Такимъ образомъ домашнее чтеніе должно вызвать въ ученикахъ любовь къ природѣ, любовь къ людямъ и любовь къ своей родинѣ. Въ народной и въ художественной литературѣ, какъ чисто дѣтской, такъ и въ народныхъ изданіяхъ и въ міровой поэзій, у насъ имѣется величайшій источникъ для развитія первыхъ двухъ категорій чувствъ, и на ихъ воспитаніе обыкновенно обращается главное вниманіе всего сознательнаго учительства. Нельзя того же сказать о третьей категоріи психическихъ императивовъ, т.-е. о любви къ родинѣ. Къ этому чувству многіе даже относятся у насъ какъ то сомнительно, и самое слово «патріотизмъ» звучитъ для насъ искусственно, и при одномъ звукѣ его со дна души нашей поднимается что то отрицательное, а въ лучшемъ случаѣ нашимъ умомъ при этомъ овладѣваетъ какое-то неясное недоразумѣніе. А между тѣмъ мы ли, русскіе учителя, не любимъ нашей родины всѣми фибрами нашей души, не рады ли мы въ

каждую данную минуту отдать ради блага родины все самое дорогое, и не есть ли это чувство одно изъ самыхъ святыхъ и великихъ, не оно ли и даетъ намъ силы работать, страдать и бороться, и это чувство мы должны пробудить въ дѣтяхъ, а тѣмъ болѣе въ ученикахъ народныхъ школъ. Давно уже отказались отъ того неправильнаго взгляда, что у рабочаго люда нѣтъ родины. Наоборотъ. чѣмъ сознательнѣе становятся рабочія массы, тѣмъ лучше онѣ сознаютъ, что онѣ работаютъ не только для своего заработка, не только для міровой промышленности, а для роста экономическихъ силъ своей родной страны, въ которой онѣ имѣютъ первое право гражданства. Тѣмъ болѣе любовь къ родинѣ присуща земледѣльцу, изъ года въ годъ, отъ отца къ сыну, вѣками поливающему свою родную земельку потомъ и кровью. А между тѣмъ нельзя все же не отмѣтить, что многіе лучшіе люди въ Россіи чуждаются слова патріотизмъ, и оно до сихъ поръ всегда являлось флагомъ реакціи, лозунгомъ грубаго шовинизма и національнаго угнетенія всѣхъ негосподствующихъ народностей Россіи. У Горькаго есть характерный разговоръ, гдѣ товарищи, великороссъ и сербъ, противопоставляются одинъ другому именно въ этомъ чувствѣ любви къ родинѣ: въ то время какъ у серба при одномъ воспоминаніи о родинѣ перехватываетъ дыханіе и глаза горятъ, у украинца при одномъ звукѣ родной пѣсни слезы подступаютъ къ горлу, — великороссъ при этихъ патріотическихъ аффектахъ своихъ товарищей ощущаетъ какое-то странное чувство: не то ему стыдно за примитивность товарищей, не то ему самому холодно безъ этого чувства. Художественно и правдиво это выражено Горькимъ: великорусскому студенту претитъ какой-нибудь пошехонскій патріотизмъ, онъ переросъ такъ называемый *patriotisme du clocher*, а широкій государственный патріотизмъ отталкиваетъ его ложью, загрязненностью этого слова въ устахъ традиціонныхъ охранителей невѣжества и произвола. И онъ правъ: государственнаго патріотизма не можетъ

быть въ странѣ, населенной сотней совершенно разныхъ народностей, находящихся въ самомъ поработченномъ и угнетенномъ положеніи. Характерно также, что Короленко, этотъ идеально честный и великій художникъ русскаго слова, въ своихъ автобіографическихъ «Запискахъ Современника» признается, что по происхожденію принадлежитъ двумъ народностямъ — великорусской и польской, воспитанъ и жилъ среди третьей — украинской и никакъ не можетъ опредѣлить, какая изъ трехъ народностей для него самая близкая и дорогая. Желая найти родину, чтобы опредѣленно принадлежать ей и служить, онъ, оставаясь искреннимъ и послѣдовательнымъ, избираетъ не Польшу, не Украину и не Великороссію, а слѣдовательно и не Россію, а горячо любимую имъ русскую литературу, гдѣ нашъ великій писатель только и чувствуетъ себя, какъ дома, и служить ей всѣми лучшими своими силами. Да, патріотизмъ, воплощенный въ произведеніяхъ въ родѣ «Рука Всевышняго отечество спасаетъ», не можетъ найти сочувствія въ лучшихъ людяхъ Россіи, такъ какъ для русскихъ понятія родина и государство далеко не совпадаютъ. Украинецъ Шевченко выразилъ очень просто отношеніе Украины къ Россіи: «не наша мати, а довелось поважати». А въ то же время родина, край родной и для украинца, и для грузина, и для литовца это совершенно конкретное дорогое понятіе — это родная степь широкая, это горы любимыя, это родной языкъ, пѣсня, какой баюкала мати, это земля, политая кровью его отцовъ, на которой страдаютъ его родные братья, всѣ близкіе между собой общностью міросозерцанія и общими психологическими особенностями.

Такое конкретное понятіе родины вызываетъ сознательную любовь къ ней, и такая любовь къ родинѣ является великимъ соціальнымъ факторомъ, объединяющимъ народную массу и дающимъ отдѣльнымъ лицамъ силы съ особенною настойчивостью работать на пользу родной земли и родного народа. Активная любовь къ

родинѣ, очищенная отъ всякаго шовинизма, воспитываетъ конкретную любовь и ко всему человѣчеству и исключаетъ всякій агрессивный патріотизмъ, совершенно несвойственный народнымъ массамъ и искусственно насаждаемый.

Возвращаясь къ домашнему чтенію, желательно, конечно, чтобы оно во всѣхъ областяхъ Россіи воспитывало въ читателяхъ сознательную любовь къ родинѣ и естественно связанное съ этимъ національное самосознаніе. Къ сожалѣнію, русская литература можетъ дать въ этомъ отношеніи очень мало матеріала. У многихъ отдѣльных народностей есть великіе поэты, одушевленные національнымъ чувствомъ, напр.: Шевченко у украинцевъ, Мицкевичъ у поляковъ, цѣлый рядъ молодыхъ даровитыхъ поэтовъ, Янка Купала, Бурачекъ и др., у бѣлоруссовъ, Ованесъ Тумонянъ, Агоронянъ и др. у армянъ и т. д. Но общерусскія, самыя искреннія патріотическія стихотворенія, какъ, напр., «Русь» Никитина, или «Родина» А. Толстого, можно съ успѣхомъ прочитать въ центральной Россіи, а врядъ ли они могутъ тронуть сердце учениковъ народной школы на Кавказѣ или на западныхъ окраинахъ Россіи. Гораздо больше затронуть это чувство многія стихотворенія Некрасова, Рылѣева и западно-европейская литература въ произведеніяхъ Амичиса, Гюго, Додэ, Шатріана, Гете, Шекспира, Беранже, Францоа и мн. др. Не мѣшаетъ рядомъ съ произведеніями, воодушевляющими къ любви къ родинѣ давать читать произведенія энергично осуждающія войну, вражду и воспитывающія чувство международного братолюбія, мирнаго политическаго сосуществованія на началахъ взаимнаго уваженія и общаго охраненія той культуры, какую народы уже накопили за многіе вѣка сознательной жизни. Такое постепенное расширеніе чувства любви путемъ художественной литературы и будетъ идти къ осуществленію словъ Бѣлинскаго: вести ребенка отъ тѣснаго близкаго къ великому безконечному.

Но человѣческими отношеніями не исчерпывается сфера познанія, необходимая для истиннаго пониманія безконечнаго. Рядомъ съ художественнымъ чтеніемъ должно идти и общеобразовательное, точно такъ же охватывая сначала самое близкое родное, уясняя его, ставя знакомыя явленія во взаимную связь и ведя затѣмъ читателя все дальше, открывая ему картины, факты, законы, все лучше уясняющіе читателю великую тайну природы, наводя его самого на наблюденія и точными истинами разсѣивая весь туманъ суевѣрія и рабства мысли, тяготѣющей надъ его умственными запросами. Ничтожный кругъ понятій, даваемый въ классѣ подъ громкимъ (и въ сущности совершенно несоотвѣтствующимъ) названіемъ міровѣдѣнія, только путемъ домашняго чтенія можетъ хоть сколько-нибудь дать ребенку, выходящему 12 лѣтъ изъ школы, свѣдѣнія по естествознанію и географіи. Задача такого чтенія—заинтересовать читателя настолько, чтобы онъ не удовлетворился данными въ классѣ свѣдѣніями, а продолжалъ бы искать новыхъ, задача—дать нѣсколько точныхъ законовъ, разъяснить главныя явленія природы и дать умѣніе учиться изъ книгъ.

Такимъ образомъ очевидно, что домашнее чтеніе можетъ имѣть громадное воспитательное и образовательное значеніе, если оно ведется сколько-нибудь правильно. Но именно для правильнаго его веденія, какъ и вообще для правильной постановки всего нашего школьнаго дѣла мѣшаютъ два условія: неподготовленность учителя для руководства народнымъ чтеніемъ и денационализація нашего народнаго образованія. Кому не извѣстно ужасное положеніе всѣхъ народностей въ Россіи, кромѣ великорусской, вынужденныхъ учиться на чужомъ, часто совершенно непонятномъ для дѣтей языкѣ? Въ недавно вышедшей книгѣ Г. Фальборка «Всеобщее обученіе» на этотъ вопросъ обращается серьезное вниманіе при введеніи всеобщаго обученія: «Вопросъ о языкѣ въ современной школѣ,—говоритъ Фальборкъ,—долженъ быть рѣшенъ такъ,

какъ онъ только и можетъ быть рѣшенъ въ нормальной школѣ. Если современное знаніе стремится къ тому, чтобы сохранить индивидуальность личности, то какъ можетъ быть достигнута эта цѣль если (если прибавимъ мы, не будетъ уважаться и признаваться индивидуальность цѣлыхъ народностей) будетъ изгнанъ родной языкъ? Какая цѣль преподаванія языка, какъ не та, чтобы вызвать въ ребенкѣ анализъ того, что онъ приобрѣлъ чисто художественнымъ воспріятіемъ, и чтобы расширить у него цѣлый рядъ понятій. Мнѣ вспоминается—продолжаетъ Фальборкъ,—небольшая картина изъ жизни современной великорусской школы: преподаватель показалъ ребенку предметъ, хорошо ему знакомый, и спросилъ его, какъ онъ называется. На лицѣ ребенка появилась улыбка, онъ зналъ, какъ этотъ предметъ назывался, но въ это время онъ вспомнилъ, что онъ не долженъ произносить это названіе на своемъ родномъ языкѣ, а на (чуждомъ ему) казенно-школьномъ, и улыбка смѣнилась моментально печалью. Эта молчаливая мимика дѣтскаго лица произвела на меня неизгладимое, ужасное впечатлѣніе. Школьное преподаваніе должно вестись на родномъ языкѣ учащихся, пока это позволяютъ культура и языкъ даннаго народа. Только такое рѣшеніе вопроса о языкѣ можетъ дать правильное направленіе школѣ»¹⁾.

Необходимость родного языка преподаванія для всѣхъ народностей Россіи уже давно указывается и учителями и земствами (полтавскимъ, херсонскимъ, черниговскимъ относительно украинскихъ школъ), многими просвѣтительными обществами и съѣздами дѣятелей по народному просвѣщенію; нѣкоторыя мѣропріятія центральной администраціи уже узаконяютъ для инородцевъ введеніе родного языка въ начальную школу, но въ дѣйствительности на всѣхъ окраинахъ еще царить единая и недоступная

¹⁾ См. стр. 17 „Всеобщее образованіе въ Россіи“. Фальборкъ. М., 1908 г.

пониманію русская школьная рѣчь. Русскіе учителя на всѣхъ окраинахъ Россіи съ перваго же дня въ школѣ калѣчатъ умственные способности учениковъ: вмѣсто того, чтобы исходить въ своемъ преподаваніи отъ накопленныхъ дѣтьми впечатлѣній, отъ родныхъ имъ образовъ, звуковъ родной рѣчи и, мало-по-малу систематизируя цѣнный дѣтскій опытъ, обогащать его новыми, легко усваиваемыми познаніями, ставя ихъ въ непосредственную связь съ уже полученными дома,—русскіе учителя въ школахъ всѣхъ другихъ народностей, кромѣ великорусской, вопреки всѣмъ правиламъ педагогіи, сразу грубо отрываютъ своихъ учениковъ отъ родного, понятнаго въ области чужого, непонятнаго, родная рѣчь имъ воспрещается и новыя понятія навязываются имъ извнѣ и они не въ силахъ отдать въ нихъ какой-либо отчетъ. Учителямъ же часто приходится брать съ базара перваго попавшагося переводчика, чтобы установить какое-нибудь взаимное пониманіе между классомъ и его учителемъ. Неокрѣпнувшее сознаніе дѣтей сразу застилается туманомъ, а русскіе учителя, теряя терпѣніе въ своемъ неблагоприятномъ трудѣ, съ раздраженіемъ восклицаютъ: «что за тупицы всѣ эти вотяки, киргизы, хохлы, армяне—русскаго языка не понимаютъ!» А къ пріѣзду инспектора бѣдные татарченки, хохленки и другія обездоленные дѣти негосподствующихъ народностей должны вы зубривать текстъ прочитанной въ классѣ статьи, чтобъ своимъ прекраснымъ «пересказомъ» порадовать сердце официальнаго обрусителя.

Такимъ же абсурдомъ въ педагогическомъ отношеніи является однородная классная хрестоматія для всего простора Россіи, такой разнообразной въ своей природѣ, климатѣ, этнографіи: всѣ эти книги въ своихъ отдѣлахъ міровѣдѣнія приноровлены къ жизни исключительно центральной Россіи, и то, что для великороссовъ является въ нихъ близкимъ, роднымъ и правильнымъ, то совершенно чуждо, непонятно и даже неправдиво для жителей Кавказа, Украины, Прибалтійскаго края и др. областей (напр., вре-

мена года, времена уборки хлѣба, характеръ построекъ, обычаи и т. п.).

Такъ и относительно домашняго чтенія: все сказанное выше по части систематизаціи можетъ быть примѣнено только въ Великороссіи—такъ какъ для всѣхъ другихъ народностей все родное—родная рѣчь, родное народное творчество—сказки, пѣсни,—все это, съ чего желательно начать самостоятельное чтеніе,—запретный плодъ. Непонятная книжка, написанная на непонятномъ языкѣ, не можетъ пробудить при самомъ напряженномъ вниманіи никакихъ сочувственныхъ струнъ въ душѣ маленькаго читателя; какое можетъ эта непонятная книга имѣть значеніе для семьи школьника? она только деморализуетъ молодое поколѣніе, отрывая его отъ родной семьи, отъ народной массы. Ясное дѣло, что только то домашнее чтеніе и возможно, какое ведется на родномъ языкѣ: всѣ сказки, всѣ рассказы изъ дѣтской народной жизни, изъ природы должны быть дѣйствительно родными и близкими,—только тогда они смогутъ пробудить душевныя силы читателя знакомыми образами.

Для измѣненія такого вопіющаго педагогическаго зла необходимо немедленно ввести во всѣхъ окраинахъ Россіи, у всѣхъ народностей преподаваніе въ 1-й годъ ученія на родномъ языкѣ. Русскій языкъ вводится со 2-го или 3-го года (смотря по отдаленности національной рѣчи отъ русскаго языка), родной продолжаютъ изучать въ теченіе всѣхъ 4 лѣтъ народной школы на ряду съ русскимъ. Научившись читать на своемъ родномъ языкѣ, ученики смогутъ пользоваться своей народной поэзіей и своей національной литературой, уже довольно богатой у многихъ народностей, ¹⁾ лишь мало-по-малу пополняя свой

¹⁾ На украинскомъ и бѣлорусскомъ языкѣ уже существуютъ дѣтскіе сборники народныхъ сказокъ, на украинскомъ, на грузинскомъ, на татарскомъ языкахъ существуетъ уже много дѣтскихъ книгъ, дѣтскіе журналы, уже дающіе подходящій матеріалъ для внѣкласснаго чтенія дѣтей.

книжный матеріалъ и русскими книгами. Только такая постановка школьнаго дѣла и домашняго чтенія можетъ въ данное время, не предрѣшая будущаго болѣе широкаго развитія національной школы у разныхъ народовъ Россіи, можетъ остановить деморализацію, приносимую руссификаторскою школою, и возвратитъ школамъ окраинъ ихъ образовательное и воспитательное значеніе.

Не малое затрудненіе для правильнаго веденія дѣла домашняго чтенія представляетъ слабая подготовленность многихъ учителей. Эта неподготовленность зависитъ отъ незнакомства учителей съ дѣтской и народной литературой, а незнакомство это совершенно естественно, такъ какъ хорошихъ библиотекъ очень мало и учителя вездѣ поставлены въ большое затрудненіе при выборѣ книгъ. Необходимо, чтобы земства и попечительства школьныя серьезно отнеслись къ вопросу о домашнемъ чтеніи и, дѣлая ассигновки на покупку книгъ, для ихъ выбора привлекали самихъ учителей. Очень большую услугу и для подбора книгъ и для книгоиздательскихъ фирмъ могли бы оказать указанія компетентныхъ учителей и другихъ руководителей дѣтскаго и народнаго чтенія, записи объ успѣхѣ той или иной книги, оцѣнка книгъ съ той или иной точки зрѣнія лицами, непосредственно вносящими книгу въ среду дѣтей.

Съ окончаніемъ начальной школы не должна кончиться умственная связь окончившихъ курсъ со школою: если учителю удалось пробудить въ нихъ живые умственные запросы, то для удовлетворенія ихъ единственнымъ пока источникомъ является опять-таки книга, пока большинство бѣднаго юношества еще лишено возможности продолжать свое ученіе. Но теперь чтеніе получаетъ уже болѣе серьезный характеръ и для болѣе правильнаго его использованія оно можетъ быть систематизировано концентрическими кругами. Преимущество всякаго концентра въ его логической законченности: эту зиму, напр., читатель имѣетъ возможность читать, а будетъ ли это для него воз-

можно и на будущій годъ, это неизвѣстно; слѣдовательно надо на эту зиму подобрать ему программу, по возможности охватывающую интересующія читателя сферы знанія и не превосходящую степень его развитія. Такіе концентры уже выработаны для занятій и для чтеній съ городскими рабочими, но ихъ еще очень мало намѣчено для крестьянъ. Эти программы чтенія уже окончившихъ школу не могутъ выработываться гдѣ-нибудь въ центрахъ, онѣ могутъ быть примѣнены только къ каждому данному частному случаю, къ той или иной группѣ читателей. Очень было бы желательно, чтобы такія индивидуальныя, частныя схемы, какъ можно чаще появлялись въ печати, чтобы этимъ путемъ установить взаимный обмѣнъ мыслей, опытовъ, запросовъ такого важнаго и новаго дѣла, какъ самообразование народныхъ массъ. Главными условіями успѣха его, начиная съ первыхъ прочтенныхъ книгъ и кончая подготовкой въ народные университеты, являются такимъ образомъ: вдумчивая индивидуализація, націонализація книжнаго матеріала и обезпеченіе школьныхъ бібліотекъ достаточнымъ запасомъ книжнаго матеріала.

С. Русова.
